

В СЕРИИ:

Дочь Пожирательницы Грехов

Спящий Принц

Продолжение следует...

*Посвящается моей бабушке,
Флоренс Мэй Кирнан*

Глава 1

Даже когда там нет узников, я все еще слышу крики. Они обитают в этих стенах, подобно призракам, и их эхо слышно между двумя шагами. Если спуститься глубоко вниз, в чрево замка, под казармы, где спят гвардейцы, под Комнату Испытаний, вы окажетесь там, где они прячутся после кратких мгновений тишины.

Когда меня впервые привели сюда, я спросила у моих стражников, что такого сделали с этими несчастными, что те так кричат. Один из стражей, Дорин, посмотрел на меня и, сжав губы так крепко, что они побелели, покачал головой и, ускорив шаг, поспешил к Комнате Испытаний. Помню, в те минуты мною владели возбуждение и страх. Мне представилось нечто столь ужасное, столь пугающее, что даже мой

невозмутимый, сильный охранник не осмелился бы произнести это вслух. Я пообещала себе, что непременно выясню эту страшную тайну, таящуюся в подземелье. Как же наивна я была в мой тринадцатый год! Безнадежно, до слепоты наивна.

Впервые оказавшись в замке, много лун тому назад, я пришла от него в восторг — от его убранства, красоты и роскоши всего того, что увидела. Никаких сухих камышей на полу, никакой соломы, переложённой лавандой и базиликом для приятного аромата.

По повелению королевы полы были устланы коврами и ковровыми дорожками, сотканными специально для нее, чтобы она могла бесшумно по ним ступать. Поэтому когда мы ходим по ним, наши шаги совершенно неслышны.

Стены за богатыми, красными и синими, гобеленами — это серый камень, с прожилками слюды, которая поблескивает на свету, когда слуги оттягивают занавесы в сторону, чтобы навести чистоту. Рогатые канделябры над моей головой украшает позолота, а то и чистое золото. Подушки обтянуты бархатом и украшены кисточками, их заменяют сразу, как только бархат начинает истираться. Все безупречно и девственно чисто, красиво и в идеальном порядке. Розы в высоких хрустальных вазах срезаны до одинаковой длины, все как одна одинакового цвета и составлены в одинаковые букеты. В этом замке просто нет вещей, которые не были бы идеальны.

Мои стражники осторожно идут по бокам от меня. Их тела напряжены, а они сами поддерживают между собой и мной изрядное расстояние. Протяни я руку, чтобы дотянуться до кого-то из них, они бы в ужасе отпрянули от меня. Споткнись я или упади в обморок, если бы они, позабыв о самосохранении, попытались мне помочь, это стало бы для них смертным приговором.

Им тотчас перерезали бы горло, и это было бы актом милосердия. По сравнению с медленной смертью от моей ядовитой, смертоносной кожи перерезанное горло — это большая удача.

Тиреку не повезло.

* * *

В Комнате Испытаний мои стражники встают у двери, а Ральф, аптекарь королевы, кивком указывает на стул, на который мне следует сесть, после чего поворачивается ко мне спиной и проверяет свою посуду и инструменты. Вдоль стен тянутся полки, уставленные банками с мутными веществами, странными порошками и листьями незнакомых растений, — все это стоит вместе, без какого-то очевидного порядка. Никаких ярлыков, никаких надписей, по крайней мере я не могу разглядеть их в тусклом свете свечи, потому что в подземелье замка нет окон. Поначалу мне казалось странным, что Испытание проводится здесь, вдали от посторонних глаз, среди лабиринта узких

коридоров, образующих подобие кроличьей норы, но теперь я это понимаю. Вдруг я потерплю неудачу... Вот это был бы конфуз, случись такое на глазах королевского двора и всего королевства. Уж если этому суждено произойти, то пусть уж лучше в маленькой потайной комнате, на полпути между миром подземелий и относительным раем Большого Зала.

Я сажусь на табурет и поправляю пышные юбки. Один из моих стражников, тот, что помоложе, вытирает о пол ноги. Этот звук гулким эхом отдается от каменных стен. Ральф недовольно оглядывается на него, а когда поворачивает голову, встречается со мной взглядом. Его собственный взгляд, скользящий по мне, пуст и равнодушен. Глядя на бесстрастную маску его лица, я думаю о том, что, даже не будь он немым, ему нечего было мне сказать.

А ведь когда-то он бы улыбнулся и покачал головой, слушая, как Тирек рассказывает мне о деревьях, на которые он забирался, или о печенье, которое таскал с кухни. Он махнул бы Тиреку рукой, мол, хватит хвастать, но глаза его сияли бы любовью к единственному сыну. Хотя само Испытание занимает всего несколько минут, я обычно задерживалась в комнате на час, а иногда и на два: сидя друг напротив друга на расстоянии двух вытянутых рук, мы обменивались с ним историями. Мои стражники стояли рядом, с любопытством следя за Ральфом, когда тот проводил свои опыты, и за Тиреком и мной, пока мы

с ним болтали. В то время мне некуда было пойти после Испытания, за исключением моего храма или моей комнаты. Ничто не мешало мне провести эти несколько часов в Комнате Испытаний под зорким оком моих стражников. Сейчас же все по-другому; сейчас я не могу позволить себе праздность.

Пока Ральф выполняет обряд Испытания, я смотрю в пол. Сделав на моей руке надрез, он собирает несколько капель моей крови в миску и несет ее через всю комнату, чтобы добавить одну каплю моей крови в морнингсбейн, смертоносный яд, не имеющий противоядия. Потом он принесет эту смесь мне. Я молча жду, опустив голову, пока он смешивает кровь с ядом и переливает ее во флакон. Я сижу неподвижно. Ральф подходит ко мне и бросает флакон мне на колени. Я поднимаю его. Маслянистая жидкость кристально чиста и прозрачна даже в полумраке, я не вижу в ней никаких следов моей крови. Затем я вытаскиваю пробку и выпиваю содержимое.

Мы все замираем и ждем, скажется ли на мне действие яда. Но нет, этого не происходит. Я исполняю мою роль так, как от меня требуется. Я ставлю флакон на стол рядом с моим табуретом, расправляю юбки и смотрю на моих стражей.

— Вы готовы, миледи? — спрашивает Дорин, старший из моих стражников, В свете факелов его лицо кажется зловеще бледным. Испытание закончено, но у меня есть еще одна обязанность, и я должна

ее выполнить. Я покидаю Комнату Испытаний, спиной чувствуя на себе недобрый взгляд Ральфа.

Я киваю, и мы направляемся к лестнице, Дорин шагает справа от меня, второй стражник, Ривак, слева. Втроем мы спускаемся в подземелье, где уже ждут заключенные. Они ждут меня.

Мы подходим к дверям Утренней комнаты. Завидев нас, слуги, убирающие последнюю трапезу узников, вздрагивают и, испуганно опустив головы, жмутся к стене. Мне видно, как белеют косточки их пальцев, крепко сжимающих грязные тарелки и кубки, когда они пытаются прошмыгнуть мимо нас. Дорин кивает Риваку и входит в маленькую комнату. Спустя мгновение он снова появляется в дверном проеме и кивает: мол, все готово.

Двое мужчин сидят за небольшим деревянным столом, на обоих — черные рубахи с длинными рукавами, руки привязаны к подлокотникам стульев. Они медленно поднимают глаза и встречаются со мной взглядом. Мои стражники, оба с мечами наголо, занимают места возле двери, хотя я где угодно чувствую себя в полной безопасности, даже с преступниками, изменниками короны и королевства.

— Как Воплощенная Донен, я дарю вам благословение. — Я стараюсь держаться уверенно и величественно. Я должна быть сильной и праведной, хотя, если честно, от страха у меня сводит живот. — Ваши грехи не будут съедены, когда вы умрете, но я могу

предложить вам благословение Богов. В надлежащее время они простят вас.

Я не замечаю в глазах обоих обреченных никакой благодарности за мои слова. Но могу ли я винить их в этом? Слова мои пусты, они ничего не значат, и мы все это прекрасно знаем. Если грехи их не будут съедены, их ждет вечное проклятие, и мое благословение бессильно им помочь. Я жду — вдруг хотя бы один из них мне ответит. Те, кто был до них, проклинали меня или зывали к моему милосердию, просили о пощаде. Умоляли позволить им умереть от меча или веревки — одна отчаянная душа даже умоляла натравить собак, — но эти двое молчат, не сводя с меня безжизненных глаз. У одного над левым глазом тик, отчего его бровь постоянно дергается, но это единственный признак того, что их обоих пугает мое присутствие здесь.

Когда они ничего не говорят и даже не шевелятся, я склоняю голову и благодарю Богов за их благословение, после чего занимаю место за спиной приговоренных. Встав между ними, я вытягиваю руки и, положив ладони на затылки обоим, нащупываю пальцами пустоту на их шеях, где чувствую, как под кожей в венах пульсирует кровь. Их сердца бьются почти в такт. Я закрываю глаза и жду. Когда их пульс начинает учащаться — снова почти одновременно, — я отхожу прочь и прячу руки в рукава, испытывая страстное желание немедленно их вымыть.

Это не займет много времени.

Через несколько мгновений после моего прикосновения они валятся лицом на стол. У обоих из носа струится кровь, собираясь лужицей на грязноватой столешнице. Прямо у меня на глазах тонкий красный ручеек стекает через край, капая на болты, которыми стулья привинчены к полу. Если бы не эти болты и не веревки, которыми ноги мертвых привязаны к стульям, их тела уже валялись бы у моих ног. Морнингсбейн — сильный яд. Глаза того несчастного, чья бровь дергалась из-за тика, открыты и незряче смотрят перед собой. Лишь почувствовав жжение в собственных глазах, я ловлю себя на том, что тоже пристально смотрю на них. Независимо от того, сколько мужчин, женщин и детей я казнила, этот ужас как терзал, так и терзает меня изнутри. Думаю, так будет всегда, потому что всякий раз, когда я вершу правосудие, мне кажется, будто я снова и снова убиваю Тирека.

Тирек был моим единственным другом, одним из двух людей во всем замке, которые всегда были рады меня видеть. Мое положение при дворе означало, что мы не можем общаться друг с другом, кроме как в течение того короткого времени, которое я проводила в Комнате Испытаний. И я виделась с ним именно там, в этой комнате, и мы могли говорить обо всем, что мы видели, а в его случае и о том, что он делал. Я никогда не встречала таких, как Тирек. Он был

храбр и самоуверен, и в ту пору промежутки между Испытаниями, казалось, тянулись вечно. Один день медленно сменял другой, пока мои стражники не отводили меня снова вниз, в чрево замка. Тирек уже был там. Стоя в дверном проеме, ожидал меня, улыбаясь мне и нетерпеливо убирая с лица светлые волосы.

— Ну, наконец! — говорил он. — Поторопись. Я хочу кое-что тебе показать.

Он мечтал, повзрослев, стать одним из моих стражников. С каким удовольствием он бросал им вызов, чтобы сразиться с ними, своим деревянным мечом против их стальных. Я сидела на табурете, с улыбкой наблюдая за их нелепыми выходками, пока его отец брал у меня кровь для Испытания.

— А потом коли! — Тирек попытался кольнуть Дорина острием меча, но тот легко парировал его выпад. — Просто я не пытался пустить тебе кровь.

— Похоже на то, — согласился Дорин, и я рассмеялась.

— Потом замах и сразу следом удар. Затем размахнись снова, и... ха! — крикнул он, когда ему удалось попасть Дорину в руку. Я захлопала в ладоши.

— Сдаюсь! — воскликнул Дорин, опуская меч.

— Видите, миледи, — повернулся ко мне Тирек. — Я смогу вас защитить.

В тот день, когда мой мир рухнул, он не призывал меня поторопиться и не рассказывал о том, как долго